

Киршон Владимир Михайлович

Сергей Есенин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Михайлович К.**
Сергей Есенин / Киршон Владимир Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-89183-7

ISBN 978-5-519-89183-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Есть одна хорошая песня у соловушки
Песня панихидная по моей головушке.
Жила забубенная, жила ножевая,
А теперь вдруг свесилась словно неживая.

И ~~жизнь~~ свесилась ножевая головушка. В номере какой-то гостиницы в Ленинграде удавил себя Сергей Есенин — большой поэт нашей страны. Болью сдавило сердца тысяч людей, тысячи людей обнажили головы, тысячи людей прошли вокруг деревянного гроба поэта, мимо бледного его лица, скованного смертельным спокойствием.

В эти дни во всех уголках горячо любимой поэтом «Руси» думали о нем те, кто знал его, как друга, как товарища — думали о нем те, кто не знал его вовсе, но кто знал его песни, то кроткие и нежные, как «песня у соловушки», то разгульные и буйные, как «осенний свист», кто с болью следил, как горел и таял мятущийся Сергей Есенин.

Но еще не упали первые горсти земли на могилу поэта, что возле трех березок на Ваганьковом кладбище, а уже протянули к памяти Сергея Есенина грязные крючковатые руки, сгнившие и умершие идейно, живые трупы. Мертвые, они пытаются взять для себя чудодейственной силы от имени Есенина, который и похороненный не перестанет жить.

Жалкие обломки эмигрантщины, внешней и внутренней — они пытаются нажить политический капитал на смерти Сергея Есенина. Вчерашние хулители, мелкие интриганы, завистливые ничтожества, которых Есенин заклеил и про которых написал беспощадные строки:

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд заплесневела кровь их.
Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте,
Будет запах смрада
Они в самих себе умрут
Истлеют падью листопада.

Облавой грязной мелочности, травившие большого человека при жизни, они теперь, выжимая притворные слезы, бьют себя кулаками в грудь, они истерически кликушествуют; — «Он наш, он всегда был с нами, его затравили, его погубила революция, его хотели посадить в клетку, и он не вынес этой судьбы».

Так было после смерти Блока.

При жизни Блок сумел беспощадно, хлестко и презрительно высмеять представителей старого мира «паршивых псов», которые «поджавши хвост» скулили на улице и, давась от бессильной собачьей злобы, придушенно тявкали у себя в кутках. При жизни Блоку не подавали руки. «Интеллигенция» от него отшатнулась. Блока, который увидел идущего впереди революции Христа, обходили на улице юродствующие кликуши, почитая его отступником, антихристом, дьяволом. Умер Блок, и вся свора матерых заграничных бульдогов и литераторских болонок и интеллигентских дворняжек завывала наперебой. «Нашего поэта убили! Изверги! Душител! Террор! Чека! Кислая капуста! Вши! Р-р-революция!»

Отшатнувшись от него именно потому, что он, правда, своеобразно, правда, сердцем, а не разумом, правда, мистически, но рванул к революции и революцию приветствовал, они стали шипеть во всех углах о том, что Блок был совершенно чужд революции, что он ее ненавидел, что революция была причиной его смерти.

История повторяется.

О Есенине, оставившем нам «Русь Советскую», о Есенине, который понял в конце своей жизни не только величие революции, но и органическую ее необходимость для любимой им «Руси», теперь клеветают бесстыдные языки: «Он погиб потому, что на его стихи хотели наклеить марку агитпропа, а он не вынес . . . и вот трагический конец».

Клевета всегда вызывает отвращение и безгливость. Клевета, которая распространяется после смерти, отвратительнее в десять раз. Нельзя позволить пятнать память Сергея Есенина, нельзя позволить смрадным и гниющим обломкам старого мира прикасаться к имени поэта «Руси Советской».

II.

Сергея Есенина многие называют поэтом деревни, да и сам он говорит об этом:

Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях досчатый мост.

Однако, это неверно. Есенин никогда не был поэтом деревни, лишь в последний период своего творчества и своей жизни он близко подошел к тому, чтобы поэтом деревни стать.

Это может показаться странным. Как можно отнять у поэта, только и писавшего о деревне, о деревенской Руси, о деревенской природе, имя ее певца. Но невероятного тут ничего нет. И если внимательно продумать и понять творческий путь Есенина, эта странная на первый взгляд мысль — станет неоспоримой.

Есенин уехал из деревни очень рано. 18 лет он был уже в Петербурге и с тех пор почти все время жил в городе. Однако, еще и до того времени не был он достаточно связан с деревней, так как учился в закрытой церковно-учитель-

ской школе, где прошло его юношество. Воспоминания о деревне у него остались детские, мальчишеские, поверхностные, подлинных нужд, болезней, социальной борьбы в деревне Есенин не знал, они остались чужды ему до самого последнего периода его творчества, периода «Руси Советской».

Конечно, неправильно было бы делать вывод, что только потому, что Есенин не был долго в деревне, подлинное лицо ее осталось для него чуждо. Это, конечно, имеет немалое значение, однако, несомненно, что Есенин мог и в городе знать, что там делается. И из города можно понять основные процессы, происходящие в деревне, — больше того, из города они часто виднее, чем из маленького окошка избы.

Иные причины сыграли решающее значение в развитии есенинского творчества.

Получив воспитание в религиозной зажиточной семье, где древние устои были закреплены крепко, как дубовый сруб избы, закончив его в закрытой церковной школе, Есенин, приехав в Петербург, попадает в среду мистиков, религиозно-фанатических монархистов, в угарную полосу, когда русская «общественность» служила «верой и правдой царю и отечеству», пела патриотические гимны и, предчувствуя тлен и гниение, в мистическом порыве искала «Прекрасной дамы». В ужасе пытались осознать; куда указывает ей путь «некто в сером».

В мистическом бреду приняли Сергея Есенина, как непорочного отрока в белоснежных ризах «русской чистоты» и кротости. На него взирали с благоговением, и неслучайно Есенин в некоторых стихах, одурманенный тлением ладана и мистическими вещаниями, и сам провозглашает себя пророком.

Попав в город, не с пролетарским городом столкнулся Есенин. Приобщился не к пролетарской идеологии, которая

единственно могла великую любовь его к «мужицкой России» и здоровое крестьянское нутро толкнуть на правильный путь певца-революционера, певца подлинной живой и настоящей деревни. Он «приобщился» мистических таинств, кликушеских молебствий, и это толкнуло его на путь фальшивого воспевания сусальной деревни, в которой — «мир и благоволение в человецах», и которую крепко берегут монастыри, да страдные лики святых Микол, что светятся из божниц красных углов.

Есенин выступил в своем творчестве проповедником. Есенин стал петь молящуюся, верующую, покорную деревню.

Почти восемьдесят лет назад прозвучали гневные слова Белинского о России, обращенные к Гоголю, и ставшие известными всему миру.

«Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их исполнение».

Гениальный Белинский тогда еще не мог правильно формулировать, что нужно России, чтобы добиться «прав и законов», сообразных не с «учением церкви»,... но ведь в тот период, когда стал писать Есенин, уже знали, что нужно России, именно в тот период особенно мучительно, особенно тяжело, гонимый под патриотическое пение на убой, переживал есенинский «мирный пахарь» кровососный гнет царя, попа и помещика.

Фальшиво на церковный лад звучала песня Есенина.

Нет, не был он в тот период певцом деревни.

Кроткою, беззлобной, молящейся, благословляющей свое несчастье и свой позор рисует нам Есенин деревенскую Русь. Сам он видит шагающего Иисуса, ждет с молитвою «спаса», в добродетель возводит кротость и смирение.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье,
Благословенное страданье,
Благословляющий народ...¹.

Эти поповские строки не случайны. Образ кроткой, смиренной Руси, благословляющей кнут, не раз повторяется у поэта, и сам он стремится показать пример, сам кликушествует, бия себя в грудь.

Я вижу: в просяничном платье
На легкокрылых облаках
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках:
И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли богом
Стучит берестяной клюкой.
И может быть пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

И природа в этот период творчества у Есенина полна божественности. Все насыщено «благодатью». Все молитвенно застыло в лазоревой неподвижности церковной фрески, все насыщено неземною благостью:

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

И в молитвенном экстазе говорит Сергей Есенин:

Душа грустит о небесах
Она не здешних нив жилища.

Да, не здешних нив. Мистика и поповщина уводят от подлинной жизни. Черный креп мистической тайны закры-

¹ Разрядка и в дальнейшем везде моя.

вает глаза, молитвенный звон заглушает шумы подлинной жизни, и надуманным, искусственным становится творчество писателя. Есенин не смог стать певцом деревни, осознать ее подлинные нужды, подлинные радости, истинные горести. Тысячу раз прав он в другом стихотворении, когда говорит:

Позабыв людское горе,
Сплю на вырубях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

И потому, что позабыл людское горе, и потому, что искал повсюду «спаса», оттого, что глядел в небеса, а не на землю, сусальной, лубочной пишет в тот период деревню Сергей Есенин.

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа ...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля,
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты, Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою!

Захожему богомольцу Есенину Русь кажется раем. Неправда, раем она не была. Неправда, не было всегда весе-

лого пляса, Есенин проглядел, это красные верхи казацких папах мелькали то тут, то там, когда монаршую «милость» нагайками передавали мужику.

Неправда, не девичий смех неся по Руси, ослышался Есенин, это плакали вдовы и матери по миллионам мужей и сынов, поливших кровью уступы Карпатских гор.

Неправда, не яблоками и медом пахло — это гарью потянуло, гарью помещичьих дворов и усадеб, по которым гулял красный петух, пущенный мужицкой рукой. А Есенин не видит всего этого. И слащавой приторностью, стилизацией под «пейзанскую поэзию» несет от строк: —

Припаду к лапоточкам берестяным:
Мир вам, грабли, коса и соха.

Как искусный мастер, он тонко выпиливал свои стихи: здесь прихотливый узор меднолистых кленов, лазоревая синь, алая краска для лика пречистой, золото соломенное для пригнувшихся изб. Краски в меру яркие, в меру положены, но картина в целом — неверна, фальшива, вредна.

Но если Есенин не поэт деревни, то всегда, до конца дней своих, остается он деревенским поэтом.

Крестьянское нутро заложено в нем. Пусть творчество его пошло по неправильному руслу, пусть буржуазно-мистическая обстановка, буржуазная идеология, оказали на него вредное, реакционное влияние, он пишет только о деревне, о деревенской природе, о земле. И поэтому, одновременно с творчеством «от спаса», а часто, даже в самом этом творчестве, лирические его мотивы, где раскрывается «душа» крестьянина, имеют громадную ценность.

Есенин, конечно, национальный тип. Если он остался в стороне от той дороги, куда деревня шла, куда стремилась, если он попал в чуждую обстановку и запел чуждым деревне голосом, все же крестьянская сущность властно говорила в его творчестве и даже деклассирование, даже чуждые напластования не в силах были задушить ее до конца.

Горький в одной из своих статей сказал злую фразу. «Русскому человеку органически свойственна жестокость». Если бы речь шла о буржуазии или кулачестве, мы согласились бы с Горьким, но он писал о всех, описывая ужасы гражданской войны, значит, главным образом, о крестьянине. Нужно прочувствовать творчество Есенина, чтобы понять, какая тяжелая это неправда.

Глубокой задушевностью, искренностью, простотой и нежностью напитаны песни Есенина. «Жестокий» мужик, он находит удивительно мягкие и теплые слова для белесой коровы буренки, которой

Свяжут петлю на шее
И поведут на убой.

Для собаки, у которой утопили щенят... глупая...

Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

И даже колосья, которые режут «как под горло лебедей», вызывают в нем сочувствие и говорит этот жестокий» мужик:

Никому и в голову не встанет,
Что солома это тоже плоть,
Людоедке-мельнице зубами
В рот суют те кости обмолоть.

В суровой обстановке гражданской войны, когда шла борьба не на жизнь, а на смерть, когда в мертвой схватке сцепились старые и новые силы в последнем бою, была жестокость, было насилие, люди рубили друг друга на полях нашей страны, но в этом была суровая необходимость, если ты не убьешь — убьют тебя. И люди перегрызали друг другу горло. Но жестокость не свойственна русскому крестьянину. Это прекрасно показал своим творчеством

Есенин. Крестьянин, в лирике которого отразился внутренний облик крестьянства, был он человечен, чуток, великодушен, и в том, что показал он подлинное лицо нашего крестьянина, который рисовался Леонидам Андреевым — гориллой, диким мохнатым зверем, — громадное, положительное значение его творчества.

III.

Революцию Есенин принял по блоковски. Громадного значения ее для деревни, для крестьянства, он не понял. Ее мощь, грохот рушившегося старого, приветствовал. Перед революцией преклонился.

Его мистический «Товарищ», в котором Христос слезает с иконы, идет на баррикады и умирает там, мало чем отличен от блоковских «Двенадцати», несмотря на то, что написан раньше. Есенин приветствует революционную бурю, пишет еще ряд прославляющих революцию стихов, но в общем и целом, революционный сдвиг проходит мимо не стоявшего на пути социальных движений Есенина. Для него в это время начинается новый период творчества, новая болезнь — период, связанный с работой в имажинистской группе.

У Есенина здоровое нутро, у Есенина громадные потенциальные силы, он ищет выхода, нужно куда-то итти. С жизнью в городе, с революцией все больше и больше рушатся религиозные устои есенинского мировоззрения, он уже не верит, он уже грозит кулаком.

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

«К чорту старое», — кричит он и презрительно швыряет под ноги золоченые иконы, которым раньше молился

Что нам слюна иконная
В наши ворота ввысь.